

Глава вторая

День рождения Мейсона

Мейсон жил в районе Вудлендс-парк, в миле от нашего Сайдуэй-эстейт. В прошлое Рождество родители повели нас на прогулку по Вудлендс-парку, чтобы мы полюбовались на роскошно украшенные дома. Один из них весь мерцал, опутанный гирляндами. Казалось, волшебный паук сплёл паутину из бриллиантов и затянул ею дом от трубы до крыльца. Перед другим стояли механические северные олени, целых девять, в реальную величину, и среди них — Рудольф*

* Рудольф — северный олень с красным носом, символ Рождества. Его история отчасти напоминает историю знакомого нам «Гадкого утёнка», но Рудольф не меняется, а понимает, что особенность, отличающая его от сородичей, на самом деле достоинство, полезное для Санта-Клауса, поскольку яркий красный нос освещает путь в ночи. *Прим. пер.*

с блестящим красным носом. Иногда нам удавалось заглянуть и в гостиные. В одном окне я увидел такую высокую ель, что её макушка дотягивалась до потолка! А мы каждый год доставали с чердака одно и то же пластиковое деревце, хотя у него уже отломилось несколько веток.

И вот сейчас мы шли в Вудлендс-парк на день рождения Мейсона. Папа толкал перед собой коляску. Моя сестрёнка Мейбл не хотела ехать пристёгнутой, и нам пришлось задержаться, потому что папа долго её уговаривал. Наконец он пообещал угостить её печеньем, если она будет сидеть смирно, и она согласилась. Мы с папой нашли ещё нераспакованный резиновый мяч-попрыгунчик, который я получил на прошлый день рождения. Папа постарался аккуратно завернуть его в цветную бумагу и даже завязал красивый фиолетовый бантик. Я надеялся, что мне повезёт и мой отстойный подарок затеряется среди других.

Чем дальше мы уходили от нашего района, тем выше становились дома. Мейбл заметила в чьём-то палисаднике огромный каменный фонтан, и нам пришлось остановиться на целых три минуты, чтобы она на него насмотрелась.

— Пап, пойдём дальше, — попросил я. — Мы и так опаздываем!

— Смотрите! Водичка! — объявила Мейбл, убирая со лба светлые волосы и подаваясь вперёд.

— Посмотрим на фонтан на обратном пути, — пообещал папа и повёз коляску вперёд. — Мы же не хотим, чтобы Коул пропустил всё веселье?

Мейбл сторбилась и с головой накрылась пледом, в знак протеста.

Мы подошли к дому Мейсона, и я сразу его узнал. Это он весь сверкал паутиной из огоньков на прошлое Рождество. От ворот тянулась широкая гравийная дорожка, на которой поместилось бы машин десять. Папе пришлось развернуться и идти спиной вперёд, чтобы провезти коляску по мелким камешкам. Мейбл всё ещё сидела под пледом, когда папа нажал на медный дверной звонок. Моя сестра могла дуться часами.

Из дома не доносилось никакого шума. Наверное, все собрались на заднем дворе. Дверь открылась, и родители Мейсона вышли нам навстречу, широко улыбаясь.

— Коул! Добро пожаловать. Меня зовут Тамара. Мы о тебе слышаны! Правда, Хью?

Отец Мейсона кивнул и сверкнул белыми зубами. Я улыбнулся в ответ. Он был загорелый, в голубой рубашке и стильных брюках. Похоже,

он был не из тех, кто каждый день носит джинсы, как мой папа.

— Зайдёте на кофе? — спросил Хью, смерив моего папу взглядом.

— Спасибо за предложение, но я лучше пойду. Мейбл раскапризничалась, а я обещал, что мы остановимся посмотреть кое на что по пути домой.

Мейбл на секунду выглянула из-под пледа и снова спряталась.

— Ах, конечно, — сказала Тамара. — Вы ведь не из Вудлендс-парка?

— Нет, но наш район совсем неподалёку. Сайд-уэй-эстейт, — ответил папа.

Улыбки родителей Мейсона немного поугасли. Мне не терпелось зайти в дом, но они загроживали проход. И самого Мейсона пока нигде не было видно. Наверное, он веселился вместе со всеми на заднем дворе.

Хью прокашлялся.

— Я слышал, у вас там есть хороший мини-супермаркет. Открыт круглые сутки. Очень удобно!

Папа просиял.

— Да-да, верно! Но мы редко туда заходим. Он довольно дорогой.

Снова повисла тишина. Мама Мейсона взглянула на наручные часы.

— Что ж, я пошёл, — сказал папа и повернулся ко мне. — Вернись за тобой в семь, Коул. Хорошо тебе провести время.

Хью шагнул в сторону, и я переступил через порог. Папа развернулся и повёз коляску Мейбл по гравийной дорожке, оставляя за собой две глубокие полосы. Мама Мейсона поморщилась.

Я огляделся, стараясь не слишком уж тарачиться на всё вокруг. Прихожая была размером с весь первый этаж нашего дома. Слева и справа виднелись двери, а посередине — широкая лестница. Я заметил, что наверху ещё дверей восемь, если не больше. Всё сияло белизной, даже ковёр, и у меня создалось впечатление, будто я попал на небеса.

Вдруг у Хью зазвонил мобильный, и он ушёл в соседнюю комнату, затворив за собой дверь.

Тамара опустила взгляд на мою обувь. Я поспешно снял кроссовки и поставил на чёрный поддон у входа.

— У тебя пушистые носки? — спросила Тамара. Я пришёл в красных носках с узором из весёлых пухлых Санта-Клаусов, хотя на дворе стоял октябрь. — С них пух не сыпется?

Я хотел ей ответить, что понятия не имею, когда в прихожей появился Мейсон. Он пронёсся по ковру, как по ледяному катку, и чуть в меня не врезался.

— Коул! — радостно воскликнул он. — Ты уже здесь! А я не слышал, как в дверь позвонили. Всё в порядке?

Я кивнул и широко ему улыбнулся. Тамара ещё раз взглянула на мои носки, прошептала что-то Мейсону на ухо, похлопала его по плечу и ушла в дальнюю комнату.

— С днём рождения, Мейсон, — сказал я, протягивая ему мяч-попрыгунчик, и огляделся, высматривая гору подарков, в которой можно было бы его спрятать.

— Спасибо! Потом открою.

Он положил мяч на стол рядом с фотографией своих родителей на тропическом пляже, выдвинул ящик и достал какие-то синие пластиковые пакетики. Смял их и бросил мне. Они упали на пол.

— Вот, надень, — сказал Мейсон.

Я наклонился и поднял их с пола. Это оказались бахилы, вроде тех, которые выдают в бассейне или больнице. Они напоминали шапочки для душа на резинке. Я заметил, что Мейсон и сам

в таких же, но растерялся на секунду, потому что не сразу понял, зачем они мне. Наверное, чтобы на белом ковре не остался красный пух с носков? Я сел на коврик у двери и натянул бахилы на ноги.

— Сначала в них как-то неудобно, а потом привыкаешь, и скользят они хорошо, — заметил Мейсон. — Мне однажды удалось доехать от кабинета до кинокомнаты.

Я всё ещё возился с бахилами. В доме стояла полная тишина. Куда делись все гости?

— А что, автобус из «Королевства восторга» ещё не приехал? — спросил я.

Мейсон почесал затылок.

— А, точно. Я же собирался тебе сказать... Мама с папой разрешили пригласить только одного друга, и я выбрал тебя. Больше никто не придёт, извини.

— О... — протянул я.

Я выпрямился. Синие бахилы шуршали на мягком ковре. На таких праздниках я ещё не бывал. Мейсон смотрел себе под ноги и водил носком по белым ворсинкам, отчего получался забавный свистящий звук.

— Мейсон, я не ослышался? Ты сказал «кинокомната»? — спросил я.

Он медленно поднял голову и просиял.

Дом был совершенно невероятный. Мейсон показал мне кинокомнату с десятью креслами с откидными спинками, игровую комнату с разными приставками и спортзал (по виду и по запаху свежести казалось, что им ещё ни разу не пользовались). Ещё у них был винный погреб, но туда нам запретили спускаться. Потом мы зашли во вторую гостиную, которую Мейсон назвал «салон», и из неё открылся вид на задний двор. Я увидел блестящее баскетбольное кольцо на террасе, а за ним — широкую зелёную лужайку. Трава казалась такой же мягкой, как толстые ковры в доме. В стороне я заметил большие футбольные ворота.

— Ух ты, какой у тебя двор огромный! — воскликнул я, не скрывая своего восторга. — Даже ворота есть! Хочешь, поиграем?

— Ой, боюсь, не получится. Газон недавно подстригли, — ответил Мейсон.

Я посмотрел на густую зелёную траву. У меня создалось впечатление, что на газоне не только в футбол никогда не играли — по нему вообще не ступала нога человека.

Мы зашли в спальню Мейсона, с огромной кроватью, гамаком и личной ванной.

— Вот тебе повезло, — сказал я, вспоминая свою холодную комнату с потёртым ковром

и матрас с пружинами, которые впивались в рёбра.

Я сел в гамак и покачался вперёд-назад. Я бы всё отдал за то, чтобы жить в таком доме. Это было самое потрясающее место из всех, где мне доводилось бывать.

— Погоди, я же ещё не открыл твой подарок! — вскрикнул Мейсон и помчался в прихожую. Я даже не успел ему сказать, что лучше пусть посмотрит на него потом, после того как я уйду. Меня передёрнуло. Мейсона окружало всё самое лучшее, что он только мог пожелать, а его единственный подарок от единственного гостя на день рождения был таким жалким. Я медленно раскачивался в гамаке, пока не услышал громкое «УХ ТЫ!» с первого этажа. Я аж вздрогнул. Вскоре Мейсон появился на пороге, счастливый, с горящими глазами.

— Всегда о таком мечтал! Опробуем его на террасе?

— Э-э, ладно, — согласился я, довольный тем, что ему вроде как понравилось.

Мы спустились, я взял свои потрёпанные кроссовки с поддона у двери, и тут, как будто его жизнь и так была недостаточно идеальной, Мейсон достал пару ярко-белых кроссовок.

— Это XT50? — спросил я, разинув рот.

— Да, подарок от мамы с папой на день рождения. Правда классные?

Я кивнул, и он дал мне подержать одну кроссовку. Я провёл пальцем по носку. Он так ослепительно блистал, что у меня едва не слезились глаза. XT50 стоили очень, очень дорого.

— Они потрясающие, — прошептал я, возвращая ему кроссовку.

Мы вышли в большую столовую с широкой стеклянной дверью, ведущей в сад. Мейсон открыл дверь, мы сняли бахилы и обулись.

Играть в мяч на террасе оказалось очень весело. Мы так громко смеялись и вопили, что мама Мейсона выглянула из дома и попросила нас быть потише. Один раз я не успел принять подачу, мяч сильно отскочил и приземлился посреди безупречной лужайки. Мейсон побежал за ним, и папа крикнул ему из окна второго этажа, чтобы он не топтал траву.

— Давай бросать не так сильно, — предложил Мейсон, густо покраснев. — Тогда он не будет улетать.

Нам удалось двадцать восемь раз перебросить мяч друг другу, ни разу его не уронив. А потом мама Мейсона позвала нас ужинать. Мы сняли кроссовки, надели синие бахилы и зашли в дом.

На ужин была пицца. Дома мы обычно размораживали пиццу из магазина, полупустую и не особо вкусную, а эту явно заказали из ресторана. На коробках было написано: «Приготовлено в нашей дровяной печи». Я взял три куса с пеперони, красным перцем чили и какой-то зеленью. Тамара предложила мне салат из большой деревянной миски, но я обошёлся пиццей. После двух кусков у меня во рту всё запылало, и я поспешно отпил черносмородинового сока. Такого острого чили я ещё не пробовал.

После ужина Тамара ненадолго ушла в другую комнату и вернулась с большим тортом в виде тропического острова. Мы хором спели песенку «С днём рождения тебя», и Мейсон задул двенадцать свечей, воткнутых в пальмы.

— Это самый красивый торт на свете! — взвизгнул я и тут же залился краской, когда все на меня посмотрели.

— Я заказала такой, чтобы он напомнил тебе о нашем отдыхе в Антигуа, — сказала Тамара и поцеловала Мейсона в лоб.

Мейсон улыбнулся.

— Спасибо, мам.

Вид у него был не очень-то восхищённый. Наверное, он привык получать роскошные

торты на дни рождения. А вот меня этот сладкий тропический остров просто поразил.

Мы съели по куску торта (самого вкусного из всех, что я пробовал), а потом пошли в кинокомнату и уселись там на мягкие кресла в середине первого ряда. Я откинулся на спинку, утопая в красном бархате, и повернулся к Мейсону.

— Знаешь, тебе страшно повезло. Мой дом — полный отстой.

Мейсон нахмурился. Он у меня бывал уже не раз.

— Неправда. У тебя там... уютно.

Я не видел ничего уютного в холодном, старом доме с протёртыми коврами и выцветшими обоями, но не хотел с ним спорить.

Мы посмотрели мультики, старые, но очень хорошие. Мне больше всего понравился мультфильм про Хитрого койота, который жил в пустыне и пытался поймать высокую синюю птицу — Дорожного бегуна. Вначале могло показаться, что птица глупая, только и умеет клевать зерно, тыкаясь клювом в землю, но потом становилось ясно, какая она на самом деле умная. Дорожный бегун всякий раз умудрялся обхитрить койота. А ещё забавно пищал «бип-бип», как машина, прежде чем умчаться в закат

в облаке пыли. По-моему, это было просто гениально. Мейсон объяснил, что его папа обожал эти мультики и раньше они часто смотрели их вместе. До того, как у папы стало слишком много работы.

Наконец последний мультик закончился, и Мейсон посмотрел на часы.

— У нас есть ещё минут пятнадцать. Поброем мяч?

— Давай, — согласился я.

Мы вышли из кинокомнаты, и я проехался по ковру до кухни, где мы ели пиццу. Рот у меня всё ещё горел после острого перца.

— Я сбегая за соком, — крикнул я Мейсону, который уже шёл через столовую к раздвижным дверям во двор.

Мой стакан с черносмородиновым соком всё ещё стоял на салфетке. Я взял его и сделал большой глоток. Сок приятно охлаждал горло. Я отнёс стакан в столовую и поставил на круглый столик, возле вазы с цветами. Мейсон уже стучал мячом по полу террасы.

— Кажется, он ещё сильнее отпрыгивает, если его нагреть, — сказал он, когда я вышел к нему, и бросил мне мяч. Я отбил его, и Мейсон принял подачу.

— Раз!

Мяч снова полетел ко мне, и я выкрикнул:

— Два!

Мы досчитали до двадцати двух, когда я расмеялся и чуть не выронил мяч.

— Двадцать три! — объявил Мейсон, хватая его одной рукой. А потом занёс её назад, покрутил, замахнулся и метнул попрыгунчик в мою сторону. Только мяч не отскочил от пола, а понёсся прямо на меня. Я тут же закрыл лицо, чтобы защититься. Мяч отрикошетил от моей руки и полетел в столовую, туда, где стоял мой стакан с черносмородиновым соком.

— Не-ет! — завопил Мейсон. Мы оба кинулись за мячом, но слишком поздно. Мяч врезался в стекло, стакан опрокинулся и подкатился к краю стола. Фиолетовый сок полился на мягкий белый ковёр. Мы устали на пятно. Мейсон побелел и развернулся ко мне.

— Зачем ты его принёс? Сюда нельзя с напитками!

— В смысле? Это же столовая! Почему нельзя?!

Пятно всё разрасталось, и пушистый белый ковёр всё сильнее пропитывался соком. Мне стало не по себе.

— Наверное, надо взять какую-нибудь тряпку, чтобы она впитала сок? — предложил я.

Мейсон сбегал на кухню за жёлтым полотенцем, встал на колени и принялся промокать ковёр. Полотенце быстро стало фиолетовым, но пятно даже не побледнело.

— Может, лучше сказать твоей маме? — предложил я. На самом деле мне этого совсем не хотелось, но она наверняка знала, что делать.

Мейсон ничего не ответил. Он ритмично вжимал кухонное полотенце в ковёр, словно пытался реанимировать его после остановки сердца.

Вдруг в дверь позвонили. Это за мной пришёл папа. Мы с Мейсоном переглянулись. Вид у него был очень серьёзный.

— Никому ни слова, понял? — процедил он сквозь зубы.

Я кивнул.

Мейсон поднял мой стакан из-под сока, закрыл двери на террасу и положил мяч в карман. Мы стянули кроссовки и надели бахилы. Я заметил на новеньких кроссовках Мейсона фиолетовую полосу. Он быстро потёр её пальцем, и, когда она исчезла, я вздохнул с облегчением. Мы вбежали в прихожую как раз в тот момент, когда Тамара открыла дверь.

— Привет, пап! — выпалил я сразу, как только его увидел.

А потом как можно быстрее снял бахилы и обулся. Мне хотелось убраться отсюда поскорее. Папа растерянно улыбнулся. Наверное, он не понимал, почему я единственный гость и зачем мне эти синие мешки на ногах. Я поднял брови, намекая ему, что лучше об этом промолчать.

— Вы хорошо провели время? — спросил папа.

Мы с Мейсоном кивнули, но ничего не сказали.

Папа Мейсона вышел к нам с огромным куском торта, завёрнутым в салфетку.

— Вот, Коул, возьми. Поделишься со своей сестрёнкой.

— Спасибо, мистер Фергюсон, — ответил я, опустив голову.

— Они чудесно себя вели, — сказала мама Мейсона, очевидно, забыв о том, как попросила нас быть потише. — Сидели как мышки, правда, Хью?

Она говорила так, будто нам было по пять лет, а не по двенадцать.

— Мы были очень ему рады, — добавил папа Мейсона. — Заходи к нам когда угодно, Коул.

Я подумал про черносмородиновый сок на дорогом ковре и слотнул.

— Спасибо, что пригласили, — пробормотал я, выдал короткое «пока» для Мейсона и вышел на гравийную дорожку вслед за папой.

Всю дорогу домой он расспрашивал меня, чем мы занимались. Я сказал, что Мейсону очень понравился мяч-попрыгунчик, и папа похлопал меня по спине.

— Видишь, Коул? Простой подарок может оказаться даже лучше дорогого.

Ещё я рассказал ему про кинокомнату и мультфильм с койотом и птицей. Папа рассмеялся и заметил, как он рад, что нам было весело. Тогда я решил не упоминать про черносмородиновый сок.

Мейбл постоянно что-нибудь роняла и проливала, но мои родители совсем не сердились. Только я подозревал, что мама и папа Мейсона отнесутся к этому по-другому. Оставалось надеяться, что ему не слишком сильно влетит за пятно на ковре.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

